

...и жертвам репрессии.

На территории Томской области действовала в 30-50 годы широкая сеть лагерей, но места их еще предстоит установить также как места массовых расстрелов (парк возле детской художественной школы, Каштачный овраг, Колпашевский яр, остров «смерти» возле Назино и т.д.)

Но сейчас встает вопрос о том, кто будет производить эту работу. Я считаю, что без помощи молодежи, студенчества ход ее будет медленный, а предстоит сделать много, нужно успеть опросить тех, кто уцелел после репрессий и кто приводил приговоры в исполнение. На территории Союза проживает около 2,5 млн следователей и сотрудников НКВД, имеющих отношение к событиям тех лет. По подсчетам историка Р.Медведева в результате репрессий пострадало 36 млн человек. Если хотя бы десятая часть из них осталась в живых, то сами судите - какая предстоит титаническая работа.

В нашем городе Асино также был лагерь за годы сталинских репрессий, через него прошло 60 тысяч человек. Он располагался в районе завода ЛПК. В нем находились уголовники, был женский лагерь, а также большая доля осужденных по 58 статье. В нашем городе еще живы те люди, кто был незаконно репрессирован и находился в этом лагере, и те. Кто по вольному найму работал в лагере. Я со многими имел беседу, разговаривал с ними. В их памяти многое сохранилось, без горечи в душе слушать было невозможно. Один бывший узник этого лагеря, а он попал в него 19 летним мальчишкой за то, что не весьма лесно отозвался о Сталине, так, как его родители были безвинно репрессированы. Он был приговорен к высшей мере, но, видимо учитывая его молодость, ему заменили, десятью годами.

Так вот он по памяти начертил весь план лагеря, где были жилые бараки, баня, столовая, Шизо, проходная и другие строения, а также указал места захоронений. Захоронения проходили ежедневно и в большом количестве. Нам известны места захоронения в конце улицы Воскресенки, между Новотроицей и Вороно-Пашней, есть захоронения в нашем городском саду и на месте выстроенной новой милиции (люди приходят, рассказывают и показывают места захоронения).

С большой горечью слушаешь воспоминания тех людей, которые работали по вольному найму в этом лагере. Так что в обществе «Мемориал» работы много, мы должны воспроизвести справедливость и осудить незаконность. За весь период после двадцатого съезда КПСС в нашей области реабилитировано 5132 человека, из них посмертно - 3445 человек. Только в двенадцати случаях суд отказал в реабилитации. Сейчас, когда объявлена массовая реабилитация, предстоит огромная работа по отбору, изучению всех дел, прошедших через «Тройки», «особые совещания», коллегии ОГПУ. Это

еще тысячи судеб, и, конечно же, товарищи, которые этим будут заниматься, примут все меры, чтобы не допустить ошибок.

Нужна помощь широкого актива, историков, юристов, следопытов-людей, не равнодушных к родной истории, к самым горьким ее страницам.

Томское историко-просветительное общество «Мемориал» и активисты общества приступили к серьезной работе. Организованы экспедиции научных работников и студентов педагогического института, они поработают в Бокчарском и Чаинском районах, проведут исследования. Работа предстоит большая и кропотливая. В среднем ни одно архивное уголовное дело у исследователей Управления КГБ уходит от 1-2х недель до месяца.

Если раньше, всего несколько лет назад, приходилось рассматривать 3-5 дел в год, то теперь нередки случаи, когда прокуратура принимает 5-7 заявлений в день.

Реабилитация продолжается, и по сей день. Вскрывается много неизвестного, как в Томске, Асино, Колпашево.

В самом северном районе Томской области, в райцентре Александрово, в 1931 году была создана «Александрово-Ваховская участковая комендатура». Штат ее был невелик, человек сорок вместе с бухгалтерией.

В конце апреля 1933 года из Новосибирска вниз по Оби отправился караван из нескольких барж, в которых находилось три тысячи заключенных для отбытия срока ссылки. Местом причала стал остров Назинский.

В семидесяти километрах от Александрова, вверх по течению Оби, на высоком правом берегу, стоит село Назино.

Против села – остров, длиной километра полтора и шириной около полукилометра. Разделена пополам Обь с каждой стороны острова шириной не менее километра. Не каждый рискнет бежать вплавь. Выгрузили на остров несколько десятков тонн муки и выдавали каждому полкило муки в день.

А наутро 1го Мая остров накрыл толстый слой сняча, и людям негде было укрыться, кругом был только один тальник и ссыльные вылазили из-под сняча почти насквозь мокрые, люди прижимались друг к другу, в надежде скорей согреться. Затем было объявлено: «Граждане ссыльные! У нас нет для вас жилья, Нет ни столовой, ни пекарни. Когда-то будут, а пока жить будите здесь на острове Назинском. Обслуживайтесь, кто как может. А с питанием так: каждое утро с восьми часов строиться в очередь к складу, каждый получает полкило муки и до завтра, И не вздумайте получать два раза, Кто будет замечен, буде расстрелян на месте».

Через неделю пришел еще один караван со ссыльными, еще три тысячи. Ужасная антисанитария вызвала эпидемию дизентерии. Люди начали умирать. В комендатуру полетели донесения, Смертность катастрофически растет, если сначала умирало по 4-5 человек в день, то теперь уже по 40-50 человек. Остров предельно инфицирован. Посыпались телеграмма за телеграммой в Управление Сиблага в Новосибирск, требуя срочной и радикальной помощи, или эвакуации людей куда угодно в другое место. Сиблаг отмалчивался. Прибыла комиссия из Сиблага и начался допрос,

проживающих на острове. Один из ссыльных признался, что выбивал зубы у больных и умирающих для того, чтобы добыть золотые коронки для обмена их на махорку. Он же признался, что человечье мясо не ел, а ел только печенку и сердце. Отвечая на вопрос: - А у каких людей добывал мясо себе, у живых или мертвых? Зачем же у мертвых, Это же падаль. Я выбирал тех, что уже не живые, но еще и не мертвые. Видно же, что доходит, через день-два все равно дуба даст. Так ему же легче умереть будет. Сейчас. Сразу. Не мучиться еще два-три дня. В конце июля из Новосибирска пришло сразу два парохода с пустыми биржами. Наконец Сиблаг решил эвакуировать ссыльных с острова Назинского. Половина назинцев не могла своим ходом пройти на баржу - так они были больны или просто измождены. Их несли на носилках и складывали рядами в трюмах барж. Остров Назинцев принял шесть тысяч человек, а отправил 2856

Остальные пошли «на распыл», естественную трату». Вскоре эвакуации ссыльных коменданты Ценкова сняли с работы и вывезли в Новосибирск, в управление Сиблага. Больше о нем сотрудники комендатуры, оставшиеся в Александрово члены его семьи о нем ничего не слышали. Вероятно он стал «козлом отпущения».

А что происходило в Томской тюрьме и лагере подробно рассказывает Анна Михайловна Ларина-Бухарина в своем воспоминании «Незабываемое» журнал «Знамя» за 1988 год, № 10,11,12

Воспоминания Лариной-Бухариной читается со щемящим чувством. По свидетельству Лариной в Томском лагере, где она содержалась, находилось около четырех тысяч жен так называемых « изменников Родины». А о том, как легко было попасть в число государственных преступников, говорит хотя бы «дело» жены прославленного полководца И.Э. Якира - Сарры Лазаревны Якир. В Томском лагере С.Л. Якир рассказала подругам по несчастью, что Средиземное море не уступает по красоте Черному, а в Италии умеют делать красивые вышитые кофточки. Это было расценено тогдашними томскими следователями как «восхваление капиталистического государства». Следствие велось на месте «преступления» - в томском лагере, и жена героя гражданской войны вдобавок к своему прежнему сроку (восемь лет) получила еще десять лет по статье КРА - « контрреволюционная агитация». Если в автобиографии «Колымских рассказов» В.Шаламова показана пытка в сталинских лагерях мучительным, непосильным, оупляющим трудом, то женам «изменников» в томском лагере пришлось пережить пытку бездействием. К этому добавлялись беспощадный сибирский холод и хронический голод. В Томском лагере, как вспоминает Ларина, были жены старых революционеров - Шляпникова, Бела Куна, жены военных – И.Э. Якира, его младшего брата - тоже расстрелянного. Сестры Тухачевского, жены руководящих партийных и советских работников союзных республик, председателей колхозов, просто колхозников, председателей сельсоветов, жены сотрудников НКВД.

В тоже время в томской тюрьме находилась и моя мама по обвинению как жена «изменника родины». Мама мне рассказывала уже после восьмилетнего

срока отбывания на Колыме и великим чудом уцелевшая, а затем проживавшая в г.Асино о тех ужасах, которые творились в Томской тюрьме. Третьего сентября 1937 года были арестованы двести женщин и этапом из Новосибирска перевели в Томскую тюрьму, где всех поместили в какую-то деревянную постройку, где наспех были сколочены многоярусные нары, причем градация между ярусами была такова, что сидеть на нарах было невозможно, а только лежать. Было очень тесно. Окна были зарешечены и частично забиты досками, не хватало дневного света, ужасная духота, полная антисанитария. Никаких прогулок на свежий воздух не было. Переписка, свиданий и передачи были запрещены. Захлопнули двери и все. Даже многие заключенные не знали вообще, что в этом сарае есть люди.

У некоторых женщин на руках были дети дошкольного возраста. Питание было плохое, да и то, которое с каждым днем ухудшалось, а детского питания вообще не было. Женщины стали доходить до истощения. Стали болеть, как взрослые, так и дети.

Было такое, когда матери оплакивали своих умерших детей. И было такое, когда дети обнимали уже застывшую мать и просили кушать. Кто из женщин мог держаться, держались и поддерживали других, чем могли и как могли. Среди женщин стало увеличиваться заболеваемость и недомогание, опухоль. Медицинской помощи не оказывали. Ни какого допроса и следствия не было, а просто-напросто они все были обречены на голодную смерть. Тогда одна женщина объявила голодовку, требуя прокурора. В течение нескольких дней прокурор явился и тот ужаснулся оттого, что стало с женщинами. И вот здесь в Томской тюрьме моя мама вторично встретила с Анной Михайловной Лариной – Бухариной.

Первая их встреча была летом 1935 года на даче Р.И.Эйхе, я, будучи мальчиком, был при этой встрече.

Далее было принято решение отправить всех на Колыму. И вот этап. Когда их, женщин подвели к вагонам, Томск -2, то им приказали опуститься на колени. Кругом, усиленная охрана с собаками. По списку называли фамилию, женщина должна была отозваться, встать и бегом бежать в вагон, не все женщины могли бежать их подгоняли и подталкивали охранники с ужасными оскорблениями.

И вот когда закончилась посадка в вагон, зашел военный и объявил, что они все осуждены на 8 лет, как шпионки германской и английской разведки. Закрылась дверь, лязгнул запор. Женщины стали возмущаться, как так ни следствия, ни суда и 8 лет, да еще шпионки. Заплакала одна, а за ней другая, а потом и весь вагон заплакал, да так громко, что охрана стала стучать прикладами винтовок по вагону и, требуя, чтобы прекратили рев, А женщины не унимались до тех пор, пока не тронулся поезд.

Женщины разместились на нарах в товарном вагоне. Ужасная темнота и духота. Было открыто только одно зарешеченное окно.

Доехали до станции ЯЯ, кто уже не мог двигаться, и был ужасно слаб, то их высадили и они попали в Мариинский женский лагерь. А остальных повезли до Владивостока. Дорога была долгая. Питание – рыба, селедка изредка

горячая пища. Было и такое, что несколько дней не было воды. Чтобы удалить жажду приходилось облизывать металлические детали вагона, где образовывались капли влаги. В пути следования ни одной бани не было, а умываться и речи не могло быть. И вот приехали во Владивосток, где всех поместили в барак, где уже находились рецидивистки, которые стали отбирать у женщин, что есть последнее.

Несколько дней ждали парохода. И вот объявили посадку. Пароход, стоял на рейде и женщин, стали подвозить на маленьком катере. Нужно было с катера по крутому трапу подняться на палубу парохода.

Было и такое: от истощения, слабости и головокружения женщины обрывались с трапа и падали в воду и тонули. Не все могли переносить морскую качку и общее содержание на пароходе, многие не выдерживали и умирали. И так доплыли до Магадана. Ну а Колыма, есть Колыма да еще в ту пору. Позволю себе огласить последнее послание Роберта Индриковича Эйхе Сталину: « Я перехожу теперь к самой унижительной поре моей жизни – к моей действительно серьезной вине перед партией и перед вами. Это вина – мое признание в контрреволюционной деятельности. Но положение было таково: Я не мог вынести тех пыток, которым меня подвергали Ушаков и Николаев, особенно первый из них – он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили, используя, и, используя это, причинял при допросах страшную боль – меня вынудили обмануть себя и других (своим признанием)Я прошу вас, я умоляю вас вновь рассмотреть мое дело не для того, чтобы пощадить меня, но для того, чтобы разоблачить всю ту гнусную провокацию, которая как змея, обволокла теперь столько людей из – за моей слабости и преступной клеветы.

Я никогда не предавал ни вас, ни партию. Я знаю, что гибнут из – за гнусной, низкой провокации врагов партии и народа, которую они сфабриковали против меня».

Читая письмо Эйхе, Сталин не мог знать, что «змею провокации» выпустил он сам, глава партии и государства.

Генсек даже не стал советоваться с другими членами Политбюро: приговор Эйхе он уже сделал, когда дал санкцию на его арест, а своих решений главный инквизитор страны никогда не менял. (Дмитрий Волкочанов, журнал « Октябрь» № 12 за 1988 год, страница 161).

А как складывалась судьба нас детей с позорным клеймом дети «врагов народа». Хочу рассказать о пожилой женщине, а в детстве мы знали хорошо друг друга. Вот как она сама описывает о том мрачном времени в «Литературной газете» « 25 марта 1988 года.

В 1937 году я окончила школу, и было мне 17 лет, а сестре 13 лет. В двадцатых числах июля 1937 года я поехала в Москву поступать в медицинский институт, а 14 августа арестовали моего отца, который работал заведующим краевым отделом здравоохранения Западной Сибири. И в эту же ночь были арестованы практически все руководящие работники Западной Сибири от краевого масштаба и районного.

Я в это время сдавала экзамены в Москве. Узнав об аресте отца, я срочно выехала в Новосибирск. А третьего сентября в два часа ночи пришли за мамой. Не знаю, по какой причине была сделана эта передышка в несколько дней. Возможно, просто не хватало работников для проведения санкций в полном объеме сразу.